

МАСТЕРА И МАСТЕРСТВО

«...Алексей Петренко... достигает принципиально нового для искусства актера раскрытия состояния и поведения человека в обстоятельствах глубокого душевного потрясения, действуя на основе той обостренной отзывчивости и наблюдательности, которая и составляет сущность актерского дарования. Оно предъявлено в такой мере и умножено на такую свободу техники, что дает зрителю возможность восприятия мыслей, чувств, всей натуры человека в самой тайной ее глубине». Так оценил Сергей Аполлонович Герасимов исполнение актером роли летчика в фильме «Двадцать дней без войны», определив одну из характерных особенностей этого актера, знакомого кинозрителям по фильмам «Король Лир», «Ключ без права передачи», «Сказ про то, как царь Петр арапа женил» и сыгравшего недавно

Алексей ПЕТРЕНКО

...А ЕСТЬ РОДНИК!

главную роль в новом фильме «Беда». В течение 13 лет А. Петренко проработал в Ленинградском театре имени Ленсовета. С нынешнего сезона он актер Московского театра на Малой Бронной, где играет Подколесина в «Женитьбе», в спектаклях «Месяц в деревне» и «Враги». Сегодня Алексей Васильевич Петренко отвечает на вопрос нашего корреспондента: «Что главное в профессии актера?»

Что вообще умеет драматический артист?

Говорить. Ходить. Плакать. Смеяться. Но это умеет делать каждый человек. А если каждому доступно, значит каждый может примерить на себя. То есть сопоставить с жизнью. В этом — и загвоздка.

Ленинградцы рассказывают такой случай из биографии города... Петроград. Весенняя ярмарка. Шумно, красочно, празднично. Среди всей этой кутерьмы — палатка, на ней — большие печатные буквы: «ЗА ПЯТЬ КОПЕЕК ИСААКИЕВСКИЙ СОБОР В НАТУРАЛЬНУЮ ВЕЛИЧИНУ». Выстроилась очередь. С другой стороны палатки выходят улыбающиеся люди. Оказывается: острогумный предприниматель прорезал в брезенте маленький отверстие. Прильнув к нему глазом, вы действительно могли увидеть Исаакиевский собор и действительно в натуральную величину. А как иначе? Он стоит тут же, на площади, прямо напротив палатки.

Вот так и мы, артисты, часто изображаем собор в натуральную величину, а драматурги нам в этом усердно помогают. Прорезаются окошки с видом на какой-нибудь промышленный или сельскохозяйственный объект. В натуральную величину мы видим нерешенные проблемы: не завезли змеевики или трубы, нарушают экологический баланс, плохой директор не дает хорошему заму рвать котлован и т. д. Ну, словом, есть что играть артисту. Проходит какое-то время, спектакль или фильм показывают по телевидению, зритель к тому времени уже все про змеевики и баланс знает. Смотрят люди на экран и недоумевают: «А чего этот лысый так нервничает, за сердце хватается, таблетки глотает! Котлован давно вырыты, объект сдан, на место плохого директора прислали хорошего. А он психует...»

Горе не в том, что змеевики, горе в том, что только змеевики.

«...Видел «Вечно живых» в «Современнике». Олег Ефремов — хирург Бородин, потерявший на войне единственного сына. Актер почти взвесил судьбу Бородина так, как бы его собственный отец воспринял гибель Олега Ефремова. Правда, возведенная в символ. Человеческое преклонение перед подвигом

отцов. Роль, перемешанная с воздухом времени. У актера на сцене состав крови поменялся, а не то, что голос или походка...» Это — давняя запись из рабочей тетрадки. (Как все ленивые люди, всю жизнь собираясь начать вести дневник. С понедельника.)

Думаю, Ефремов много лет жил в искусстве измерениями обобщенной правды.

Актер Щербаков, летчик Щербаков, едет по загородному шоссе. Стрелка спидометра устойчиво показывает: 45 километров. Почему такая осторожность у человека, ежедневно рискующего жизнью? А это не осторожность. Просто он экономит силы и нервы. Бережет все свои внутренние ресурсы для неба.

Какая несуетность, какая сосредоточенность.

Научиться бы так.

Наверное, мастерство в нашем деле — это в первую очередь строительство собст-

на, и Чайковского, и литературный персонаж, воспринятый через Достоевского. И становится неволю: как это ничего не знаешь о таком актере? А потом рассказали. В детстве он перенес тяжелейшую болезнь. Только в девятнадцать лет практически научился ходить — вопреки болезни, мнению медиков, вопреки человеческим возможностям. Казалось бы: осталася жить — будь доволен. Как это объяснить — не знаю, но из зрительного зала ощущаешь энергию его внутренней

РОДНИК!

А. Петренко в фильмах (сверху вниз): «Ключ без права передачи», «Сказ про то, как царь Петр арапа женил», «Беда».

венного внутреннего мира, тренированность души.

Смотрел «Пиковую даму» в Музкоме имени Станиславского и Немировича-Данченко. Полагается сказать: слушал. Но эта опера и слушается, и смотрится с таким волнением, какое не так уж часто сопутствует представлениям даже театра драматического. Точная психологическая достоверность, особенно у Вячеслава Осипова, который играет Германа. Это Герман и Пушкин.

С обратной стороны старых газетных вырезок на него пахнуло давно прошедшими годами его молодости. Любой обрывок информации, каждая подробность времени, которую он обнаруживал, — все было интересным, существенным, настоящим.

Может быть, в две тысячи каком-нибудь году человеку попадутся в руки вырезки из сегодняшних газет. Скользнув глазами по разглагольствованиям давно ушедшего артиста, человек нечаянно перевернет листочек... И поневоле зачитается.

Искусство драматического актера должно быть понятно всем. Значит, сколько надо знать, уметь, чтобы показать людям нечто большее, чем собор в натуральную величину. Люди спешат, им некогда о себе задуматься: кем я был? кто я есть? каким должен быть? Утолить эту жажду человека, познать самого себя способно искусство, и в частности искусство актера.

В документальном фильме о летчиках-испытателях глав-

«Синяя газета», 1948, № 29